

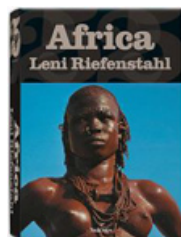

ГЕОГРАФИЯ - GEOGRAFIA

[Главная страница](#)

[Путешествие во времени](#)

Интервью Лени Рифеншталь Кевину Броунлоу

Интервью посвящено истории съемок Лени Рифеншталь в Африке, начавшихся в начале шестидесятых и закончившихся в 2000 году. Лени Рифеншталь совершила путешествие из 20 века в каменный век. Она видела людей, которые находились в полной гармонии с природой. И она наблюдала, что с ними сделалось с "приходом цивилизации". Величайшее достижение цивилизации, фотография, однако, позволила остановить момент времени.

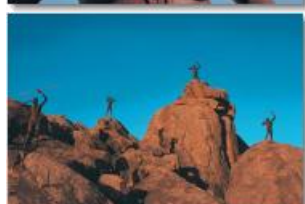
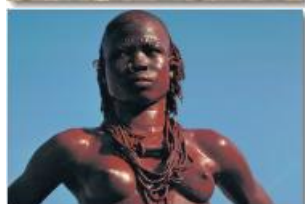
Если бы Лени Рифеншталь не сделала ничего, только посетила Африку и вернулась оттуда с фотографиями – ее место в истории было бы обеспечено. Не только съемка этих снимков была экстраординарной, экстраординарна и жизненная сила Лени Рифеншталь: впервые она оказалась в Африке, после того как ей исполнилось шестьдесят, а последние снимки она сделала в 98. Ее любовь к Африке вылилась в четыре книги фотографий, в том числе Leni Riefenstahl. Africa

Ее первая экспедиция едва ли могла быть более губительной и могла бы отвратить ее от Африки. Целью экспедиции были съемки фильма о нелегальной работоторговле. На севере Найроби, водитель пытался избежать столкновения с крошечной дик-дик (карликовой антилопой), машина налетела на камень, перевернулась в воздухе и упала в русло высохшей реки. Лени вылетела через лобовое стекло и сильно поранилась – рану на голове зашили иглой для штопки и казалось, что она не выживет. Тем не менее ее способность восстанавливаться невероятна, она выжила. Мельком она увидела воинов Масаи, с копьями в ритуальной одежде. И это так восхитило ее, что впоследствии привело к ее фотографическим работам. Эрнест Хемингуэй описывал Масаи так: «самые высокие, прекрасно-сложенные и производящие потрясающее впечатление люди, которых я видел в Африке».

Когда Кевин Броунлоу беседовал с Лени Рифеншталь, выздоравливающей после другой катастрофы в Африке, она сказала, что именно благодаря Эрнесту Хемингуэю она была так очарована этим континентом.

«Я прочла книгу Хемингуэя «Зеленые холмы Африки». Она произвела очень сильное впечатление. Когда я оказалась там, это мерцание, этот свет, это тепло и эти краски, которые так отличались по яркости от всего, что есть в Европе, все это совершенно очаровало меня. Это напоминало мне художников – импрессионистов – Мане, Моне, Сезанна».

К тому, что Лени Рифеншталь стала автором потрясающих снимков, привела увиденная ею фотография английского фотографа George Rodger «Нуба из Кордофана», на которой запечатлены борцы Нуба, один из них держит на плечах другого.

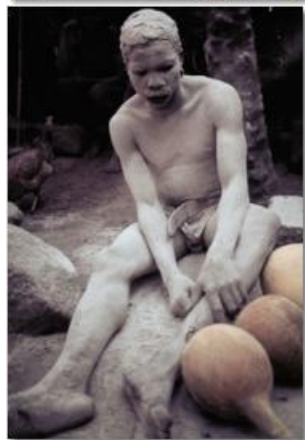
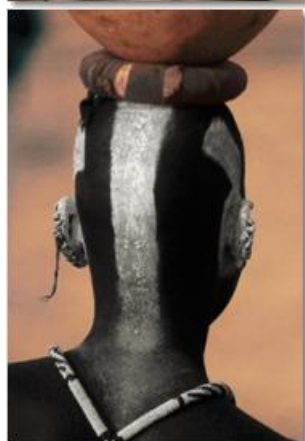
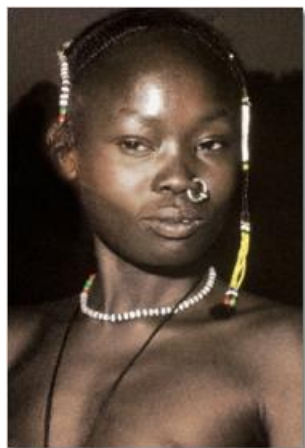
«Нуба из Кордофана» магическим образом направила ее в забытые, мало-исследованные части Африки. Но как туда попасть?

Финансовое положение было плохим, она не имела пенсии и должна была заботиться о матери. Она использовала возможность заняться съемками фильма на берегах Нила. Ей удалось получить визу, для посещения Судана от Ахмеда Абу Бакра, министра туризма, ставшего ее другом и сыгравшего важную роль в ее жизни. Но затем рухнула Берлинская Стена, ее инвесторы потеряли свои деньги и съемки фильма были отменены.

Второй шанс Лени получила от главы немецкого общества Нансена. Ее предупреждали какой трудной может быть поездка, Лени было больше шестидесяти. Но с ее балетными тренировками, альпинизмом и катанием на лыжах, Лени была абсолютно в себе уверена. Она чувствовала себе «вновь рожденной».

«Я читала, что Нуба жили в Кордофане. Во-первых, никто не знал, где находится Кордофан. Мне потребовалось много времени, чтобы узнать, что Кордофан – это провинция Судана. Когда я спрашивала в Хартоуме, столице Судана, о Кордофане, люди едва представляли себе где это, а о том, где могут быть Нуба не знал никто. Я дважды побывала в Хартоуме, пока я нашла человека, который хотя бы знал, что нубийцы существовали. «Когда я спросила о них, показывая фото Роджера, которое было со мной и которое я показывала разным людям, шеф полиции Кордофана сказал, что те Нуба, которые были на фотографии – «нубийцы без одежды» больше не существуют. Говорят, что они существовали десять лет назад. Но я не перестала искать и расспрашивать.»

Экспедиция общества Нансена ехала по холмам Нубы. После поисков, которые продолжались неделю, единственные встреченные ими нубийцы выглядели так же как другие черные африканцы и носили рубашки и шорты. Дух экспедиции падал. В один день, когда они несколько часов ехали по опустевшим деревням, впереди появились характерные круглые дома Нубы. Лени сфокусировалась на обнаженную девушку, которая в испуге умчалась прочь. Тогда с большими преосторожностями и не меньшим возбуждением они двинулись вперед пешком.

«За обнаженными мужчинами с причудливыми головными уборами, покрытыми белоснежным пеплом», писала она в своих воспоминаниях, «следовали другие, чьи тела были расписаны белыми орнаментами. Схожим образом расписанные девушки и женщины, украшенные белым жемчугом, ловко двигались, прямые как свечи, неся на своих головах калейбасы и большие корзины. Не было сомнений в том, что это были нубийцы».

В тот же вечер экспедиция увидела как происходит борьба – громадная толпа кричащих и необыкновенно расписанных Нуба окружила двух борцов, которые в сопровождении неумолчных барабанов участвовали в ритуальной схватке, окончившейся ношением победителя на плечах, как это было запечатлено на фотографии Роджера.

Кевин спросил Лени, не страшно ли ей, одинокой немолодой женщине было среди дикой Африки.

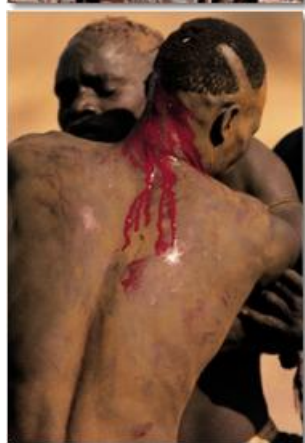
«Совершенно нет. Я чувствовала себя в большей безопасности, чем на улице своего города. Нубийцы – очень хорошие люди. Я это чувствовала, видела по их лицам, они излучают это. Никогда, никогда, даже если я была совершенно одна Нуба не трогали меня. Они всегда относились ко мне так, будто я одна из них».

Экспедиция разбила лагерь рядом с деревней Нуба, под деревом, которое стало любимым местом Лени в мире. Лени принялась изучать язык и обычаи. «Чернокожие, среди которых мы жили, были настолько удивительными, что я не скучаю ни минуты», писала она матери, рассказывая как Нуба, со своими дротиками собрались вокруг радио и слушали рождественские передачи из Германии. После остановки в Кадугли к экспедиции присоединился молодой суданский полицейский, который должен был выполнять специфическую роль цензора и предотвращать фотографирование обнаженных людей. Поскольку обнажение запрещено по мусульманским законам.

«Во время экспедиции общества Нансена с нами всегда был полицейский. Но так было только до 1963 года. После этого, когда я путешествовала сама, со мной уже не было полицейского. Ахмед Абу Бакр дал мне специальное разрешение, по которому я могла находиться без сопровождающего меня полицейского».

«Останавливали ли полицейские фотосъемку?»

«Да, они пытались, Несмотря на разрешение, которое у меня было. В последнем суданском поселении, власти пытались меня задержать. Я кричала, я была в бешенстве, я бросилась на землю. Я отказалась подчиниться и заставила их уступить. У меня был разработан план. Во время остановки в городе, находящемся в нескольких сотнях километрах, я записала офицера, который говорил, что я имею разрешение от правительства в Хартоуме находиться среди Нуба, это был офицер высокого ранга. Я включила эту запись на последней станции, где меня пытались остановить. Расстояние было громадное – от Хартоума до столицы провинции Элобы – пятьсот километров. И там я показала документы от Министерства Туризма и попросила прочесть официальное разрешение, чтобы записать его на пленку. И

я проиграла эту пленку на последней станции. Они не могли там читать. Но они могли слышать!»

«То время, которое я провела среди Нуба было самым счастливым и прекрасным в моей жизни. Они всегда доброжелательны, весь день смеются, никогда не украдут ничего. Они были совершенно счастливы, все доставляло им удовольствие. У них не было смертной казни или чего-нибудь в этом роде. Наказания были совершенно безобидны и самым большим преступлением была кража козы. Тяжелое наказание заключалось в том, что нарушитель должен был на несколько дней отправиться в ближайшее место, где находился полицейский участок и в качестве штрафа заниматься чем-то навроде подметания улиц.»

Но состояние невинности в котором находились Нуба раздражало власти. «Суданское правительство запретило им ходить обнаженными, они должны были что-то носить». Это решение через несколько лет изменило их образ жизни.

Изначально Лени приехала в Африку снимать фильм, а не неподвижные изображения. Но поскольку с фильмом ничего не получилось, она вернулась к своей надежной Лейке.

«Трудный вопрос; как вы узнаете нужный момент?»

«Я просто стараюсь быстро, насколько это возможно, найти нужный кадр. Я работаю очень, очень быстро.»

«Выдающийся талант не может появиться за один день. Как вы поняли, что у вас есть этот талант?»

«Я на самом деле получила его от директора фильма, где я снималась как актриса в первом фильме с Арнольдом Фанком. Он был потрясающим фотографом. Он показал мне как снимать и как кадрировать фотографии. Я научилась этому бессознательно, наблюдая как он работает. И затем я начала бессознательно фотографировать, как это делал он. Бессознательно он был моим учителем.»

«Что вы скажете о Поляроиде?»

«Я имела Поляроид по нескольким причинам. Одной из них была та, что я использовала его для начальников на таможне. Провинции имели таможенные границы и пересекать их всегда было большой проблемой. Я фотографировала таможенных офицеров, и давала им фото, и получала разрешение пересечь границу. Фактически, где бы не возникали проблемы с людьми Поляроид был моим первым помощником. Также я использовала его для того, чтобы Нуба впервые увидели как они выглядят. Это было забавно. Когда я показала фотографию, один нубиец сказал другому «Это ты!». Они никогда не видели себя и они продолжали глядеть на фотографию и затем другой сказал «Но это ты!» У них нет зеркал и после того как один нубиец получил такую фотографию их захотели все. Я была полностью разорена. Они все требовали фотографию. У меня не было с собой столько пленки. Они совершенно помешались на этих фотографиях».

«Но у мусульман считается, что фотографировать обнаженных людей

плохо?»

«Да. В Судане это очень серьезное нарушение. Это почти криминально. И это было величайшей проблемой. Никто в Судане не должен был знать, что я фотографирую этих обнаженных людей. Во время первой экспедиции я должна была отправлять мои фотографии в Хартоум для цензуры. Это альбом, в котором, в котором как вы видите, есть фотографии, помеченные как неразрешенные для публикации. Они не уничтожали фотографии, мне только не разрешалось публиковать их. Я находилась в черном списке в Хартоуме. Совершенно экстраординарная вещь случилась, когда произошли перемены в правительстве и президент Нимейри пришел к власти – моя книга уже была опубликована и произошло чудо. Поскольку Нимейри сказал «Эти изображения – искусство» я должна была получить награду за них. Даже если люди обнаженные. И я получила высший суданский орден и суданский паспорт.»

Европейское представление о «дикарях» оказалось необоснованным. На самом деле она обнаружила, что так называемые «дикари» более близки ей по духу, чем многие «цивилизованные» люди, которые ей встречались.

«Во время одной экспедиции я имела дело с немцем и англичанином. Это было на юге Судана. У них был очень старый автомобиль в плохом состоянии. Я договорилась с ними о том, чтобы они доставили меня к нубийцам – это 500 км в сторону от их пути. Я предложила им последние остатки денег, которые у меня были.»

За четыре недели, которые она хотела провести среди нубийцев немец потребовал пятнадцать сотен марок вперед. Когда автомобиль наконец довез их до «ее» дерева нубийцы окружили их, крича «Лени-Лени гиратзо» («Лени вернулась»). «Мужчины и женщины обнимали меня, дети тянули за одежду» - писала Лени. «Ликование было неописуемым и я была совершенно счастлива. Я ждала этой встречи и все мои надежды более чем сбылись.»

На следующее утро немец объявил, что они должны уехать через два дня. Лени протестовала, она заплатила за четыре недели. Но немец стоял на своем. Нубийцы, поняв ситуацию, просто перенесли ее лагерь и одолжили одну из своих шляп. Ей сказали, что должен состояться большой фестиваль борьбы.

«Борьба была их жизнью. Для них самой важной вещью после смерти являлась борьба. Они начинали с детства. Как только дети начинали ходить, они начинали бороться.»

Лени решила не сообщать немцу, что она отправляется на фестиваль. Но к ее тревоге расстояние оказалось очень большим, жара была свирепой и Лени чувствовала себя плохо. Нубийские женщины остаток пути пронесли ее в корзинах на голове. Фестиваль превосходил все, что она когда-либо видела. Ее друзья нубийцы отвели ее в место, где самый лучший борец из месакинских нубийцев сражался с борцом из региона Тогадинди, ростом почти семи футов. Замечательное событие достигло апогея, когда Лени поймала взгляд немца и англичанина.

«Они сказали, что должны уехать и я должна идти с ними. Но я не

могла ехать, потому что мои вещи были в другом месте, не там где происходил фестиваль».

Но хотя нубийцы умоляли ее остаться, Лени должна была уехать. Плача от разочарования она села в автомобиль и когда они вернулись в лагерь, немец признался, что они уезжают только на следующий день. Лени могла бы находиться на фестивале. Ночью пришли нубийцы, которые ушли с фестиваля для того, чтобы попрощаться с ней.

«Немец и англичанин увезли меня прочь. Нубийцы бежали рядом, хватая за руки и крича «До свидания, до свидания!» Они очень хотели, чтобы я осталась. Они уже выбрали место, где собирались построить для меня дом. Я действительно хотела остаться, я собиралась там остаться.»

Нубийцы бежали рядом с машиной, крича «Лени бассо» Конечно, Лени знала, что вернется.

В мае 1963 года Лени сопровождала принца Эрнста Исенбурга, жившего в течение тридцати лет в Западной Африке к масаям. «Масаи очень интересный материал для фотографа, их внешность и одежда. Фотографии, которые я сделала в Судане редки, потому что люди едва ли туда доберутся, но эти фотографии масаев не так ценны, потому что их очень много.»

Лени была впечатлена разницей между нубийцами, которые относились к женщинам с уважением и масаями, для которых они представляли меньшую ценность, чем коровы.

«Но они могли быть обезоруживающе очаровательны и они даже устроили соревнования для нас.»

Когда Лени вернулась в Мюнхен, ее мать была потрясена тем как Лени выглядела. Она была здорова, только волосы пострадали от солнца, но она потеряла большую часть веса. Это было связано с роликами пленки, которые она отсылала в Европу.

«Я отдала их молодому человеку, это был студент по имени Улли, он взял их, чтобы доставить моей матери. Он засветил их. Уничтожил все до одной. Я могла никогда не повторить их.»

Лени была потрясена и едва могла спать и есть. К счастью сохранилось девяносто первых пленок, где были все фото нубийцев. Лени предложила их немецким журналам Stern, Bunte Illustrierte и Quick. Но они отвергли все из них, вероятно по той причине, что она была кинорежиссером во время Третьего Рейха. Только в издании Kristall, чьи редакторы были восхищены фотографиями, выразили желание опубликовать их, что они и сделали в трех выпусках. Лени выступала с лекциями, где показывала фотографии и каждый раз реакция аудитории была восторженной.

Неудачи всегда жестоко преследовали Лени, но она всегда противопоставляла им свою гибкость и храбрость. И время от времени за неудачами следовали удивительные подарки судьбы. В Судане разразилась революция. Но ее старый друг Ахмед Абу Бакр получил разрешение для съемок на холмах, где жили нубийцы. Лени писала, что нубийцы встретили ее еще даже более приветливо, чем в прошлый раз. Все было таким же как раньше. Нубийцы казались

самыми счастливыми людьми на земле.

В 1966 году Лени показала сохранившиеся пленки группе BBC в Лондоне. Среди прочих зрителей присутствовал и Кевин Броунлоу, который был в восхищении от увиденных фотографий.

«Фотографии тоже могут быть художественными», - сказала Лени, которая ожидала предубеждения от аудитории, состоявшей из деятелей кино. «Я люблю фотографии, потому что их можно рассматривать подолгу». И Кевин Броунлоу вспоминает, что зрители чувствовали себя исключительно привелигированными.

В 1966 году Лени осознала, что не способна управлять всем сама. Она нуждалась в ком-нибудь, кто разбирался в кинокамерах. И невероятно, но она нашла такого человека. Хорст Кеттнер был высоким молодым человеком, чья внешность вызвала у Лени доверие с первого взгляда. Он прекрасно проявил себя, приехав в Лондон, несмотря на то, что он ни слова не говорил по английски, раздобыв Лэнд Ровер, несмотря на забастовку на заводе и проехав не останавливаясь от Лондона до Мюнхена.

«Я не снимала фильм. Я только фотографировала. Хорст снимал на 16мм Аррифлекс. Он был очень полезен. Особенно когда ломался автомобиль. Сменить колесо для меня было изнуряющее трудно. И кроме того, было так здорово иметь рядом того, кто может оценить всю эту красоту, друга, который может видеть и чувствовать все вместе со мной. Хорст чувствовал все также как я.»

После преодоления ряда сверхъестественных трудностей, Лени еще раз удалось приехать к нубийцам. Она опять была встречена с восторгом. Они выстроили для нее дом. Но она была потрясена теми изменениями, которые она обнаружила.

«После пяти лет отсутствия, когда мне удалось вернуться, я обнаружила их одетыми в тряпье. На них влияло правительство Судана, которое снабжало их одеждой. Им больше не позволялось ходить обнаженными. И это их изменило.»

Когда Хорст и Лени попытались заснять фестиваль борьбы, они обнаружили, что даже атлеты ходили в трусах. Хорсту не удалось уговорить их снять одежду, теперь они чувствовали себя без нее смущенными. Ритуал очень сильно изменился и стал скучен для фотографии. Еще более удивительно, что Лени узнала, что среди нубийцев появилось воровство. Ряд плохих урожаев вынудил молодых мужчин отправиться в город искать работу; они возвращались с одеждой, венерическими болезнями и деньгами.

«Первая монета, первые деньги изменили характер нубийцев. Теперь они могли купить что-нибудь. Они выращивали хлопок и продавали его, и когда они получили деньги и смогли покупать вещи, другие тоже стали желать денег. До этого между ними не было различий. Без денег все были равны. С появлением денег, одни имели их больше, другие меньше и так внезапно появилось нечто, чего раньше не было, некая конкуренция, некая зависть. И это изменило их характер.»

Лени опасалась, что катастрофа, перевернувшая мир коренных жителей Америки и австралийских аборигенов вскоре разрушит

нубийское общество. Она писала: "Когда появляются темные стороны цивилизации, счастье людей исчезает."

Когда она вернулась назад в Германию, ее фотографии нубийцев были напечатаны в декабрьском номере журнала Stern 1969 года, вскоре они вошли в впечатляющую книгу, опубликованную в Америке, Франции и Германии. Она захватила с собой книгу, чтобы показать ее нубийцам, но когда она приехала, она обнаружила рай разрушенным. Нубийцы были столь же полны любви как всегда и ее старые друзья не изменились, но другие начали выпрашивать лекарства, сигареты, бусы, батарейки, очки от солнца... И все они теперь носили грязные лохмотья, «хуже чем у нищих в трущобах Европы.»

«Когда я показала им фотографии, где они были еще без одежды, они внезапно смутились. Им было внушено, что это нехорошо.»

В этой экспедиции у Хорста были основания думать, что Лени помешалась; она решила отыскать более далекое племя нубийцев, называемое Кау, и не смотря на то что заканчивался бензин и не было карты местности, где они находились, они с усилиями двигались вперед. Жара была адской, путешествие изнурительным, но они были вознаграждены «необычным и потрясающим зрелищем.»

«В последних лучах заходящего солнца», писала Лени, «очень тонкие фигуры двигались с балетной пластикой под звуки барабанов.

Девушки были совершенно обнажены, покрыты маслом и раскрашены в различные цвета от красного до охры и желтого. Их движения были соблазнительными и становились все более и более дикими.. Танцующие не заметили меня пока я, спрятавшись за ствол дерева, снимала их телефото объективом. Для меня это было самое потрясающее зрелище, которое я когда-либо видела во время своих поездок в Африку.»

Они также сняли зуар (битву с ножами); этому способствовало то же самое желание увидеть что-то, что привело их экспедицию в первой место.

«Кау не занимаются борьбой; это скорее бой с кровью, которая покрывает их руки. Никто никогда не фотографировал их до этого. Ни одно племя не сражается таким образом. Ничего подобного нет нигде в мире. Для меня, как для фотографа, это было сенсационно. И никакие другие люди в мире не имеют такого дара в создании масок. Аборигены Новой Гвинеи по сравнению с ними примитивны, нубийцы Кау настоящие художники. Их маски – искусство.»

Она открыла эти маски в другой деревне, Ниаро. «Тело юноши было фантастически расписано, как леопард, а его лицо напомнило мне Пикассо. К моему удивлению, он не возражал против того, чтобы его сфотографировали и вскоре я обнаружила, что не только он расписан таким необычным образом; мне всюду попадались молодые люди, лица которых были подобны стилизованным маскам.»

«Они когда-нибудь были против того, чтобы их фотографировали?»

«Месакинские нубийцы никогда. Они всегда были самыми лучшими друзьями. Но между нубийцами Кау и Месакин есть большая разница. Некоторые Кау отказывались. Работа с Кау всегда была

очень, очень трудной. Нет, все что я видела, я фотографировала. В любом случае запрещалось все. Все было битвой у Кау.»

В Хартауме, Ахмед Абу Вакр представил Лени президенту Нимейри. В признание ее заслуг перед Суданом, ей было даровано суданское гражданство. Однако, говорить об одежде было табу. Они вернулись в 1974 и были еще больше разочарованы. Борцы теперь одевались в арабские костюмы. Деревня Кау опустела. Между тем признание Лени росло. Stern и Sunday Times публиковали фотографии с Кау, которые стали известны во всем мире. Арт Директор Немецкого Клуба наградил Лени золотой медалью за лучшие достижения фотографии 1975 года. Президент Нимейри вручил ей награды в Хартоуме и с похавлами отозвался о ее книгах, форма и содержание которых позволяло даже мусульманам смотреть на голых нубийцев. На Рождество суданское правительство подарило несколько сотен копий книг посольствам других стран.

В 2000 году Лени и Хорст попытались встретиться со своими прежними друзьями нубийцами. В основе этой идеи лежало желание узнать, как они пережили многолетнюю войну и собрать для них деньги.

Их поездка была заснята Баварской киностудией. К сожалению, многих своих друзей Лени найти не удалось. Они погибли во время войны. Экспедиция закончилась очень неудачно. Вертолет потерпел аварию. У Лени было сломано несколько ребер, повреждены легкие. Лени Рифеншталь совершила путешествие из 20 века в каменный век. Она видела людей, которые находились в полной гармонии с природой. И она наблюдала, что с ними сделалось с «приходом цивилизации». Величайшее достижение цивилизации, фотография, однако, позволила остановить момент времени.

Кевину Броунлоу

(С изменениями, по материалам taschen.com)

***Статья перепечатана с сайта <http://www.fotodi.ru/>
(<http://www.fotodi.ru/articles.php?id=76>)***